

Он стоял возле приземистой ограды, орнаментированной приваренными к прутьям кольцами, в вылинявшей робе, с коротким седым бобриком, не по годам жилистый, и торжествующе сверлил своего молодого шефа выцветшими зрачками на задубленном солнцем лице.

— Читал мое вчерашнее заявление? — с явным удовлетворением спросил он у Михаила Вешкина.

Поняв по ответному молчанию, что успел-таки доставить неприятности директору станции юных техников, весомо добавил:

— Сегодня я занес второе заявление на счет тебя...

Полюбовавшись на произведенный эффект, присовокупил:

— А завтра напишу третье...

После этого он довольно отправился в сторону своего дома, по пути еще раз оглянувшись на паренька, которому годился в отцы.

«Да хоть рулон испиши», — подумал ко всему привыкший Михаил. Эка невидаль. Дедку уже под семьдесят, на кружке почти всех детей поразогнал своими окриками. Уж помолчал бы, ему ли «выступать»?..

В коридоре Вешкин столкнулся с заведующей райотдела образования Валентиной Ивановной. Поскольку его лицо сводила саркастическая улыбка, проницательная заведующая по-свойски спросила у него, тоже с усмешкой:

— Уже в курсе?

— Петрович мне все в лоб выпалил, думал напугать детской выходкой...

— Что вы с ним не поделили? Строчит про тебя всякую галиматью...

— Обиделся, что не взяли в компанию, когда устанавливали станки в его кабинете.

— Понятно,— утोलилось любопытство заведующей доходчивым ответом.— Не дали и ему подзаработать.

— Он же был в отпуске. Да мы и без него справились...

Неугомонный дедок Петр Петрович действительно держался «на честном слове» в Доме творчества, включающем в себя Дом пионеров со станцией «Юный техник» и музыкальную школу на втором этаже. На полную ставку руководителю кружка требовалось набрать по нормативам четыре группы по пятнадцать человек. Это было нереально, даже одну полновесную группу не наберешь при всем желании. Нынешних школьников трудно чем-то заманить. Михаил Вешкин не раз бывал на областной станции юных техников, сокращенно СЮТ, и там тоже на кружках раз, два и обчелся. Разные проверяющие истинную наполняемость прекрасно знают. Но кто соблазнится копеечной работой? Пенсионер, инвалид или вчерашний выпускник школы, которому надо где-то перекантоваться до армии. Пусть бы хоть аккуратно заполняли журнал посещений для блезира. Но Петр Петрович и этого не желал делать. Приходилось перед проверками вписывать за него фамилии школьников в графы и выставлять числа.

Последние годы дед увлекся садоводством. На окраине города, за трассой отгородил горбылем бесхозный участок. Поставил емкость, куда ему знакомый водовоз за литровку самогона раз в неделю сливал машину ишимской воды. Там он и ночевал в картонной халабуде, еду приносили толстоногие внучки-близняшки запионерского возраста, обитавшие у деда с бабушкой — родная мамаша во втором замужестве ушла жить к новому суженому, потомство там мешало, вот и навещала дочерей от случая к случаю.

Осенью предприимчивый дедуля всегда с хорошим барышом: прямо на дому мешками покупают яблоки, да и бабушка сидит на базаре каждый день. Что Петровичу эта доля за установку станков? Или думал, что без него не обойдутся? Взял и пошел на принцип...

Противостояние закончилось так же быстро, как и началось. Через несколько дней шантаж закончился. Заведующая просто сказала пенсионеру:

— Не нравится — пишите заявление...

Тот и накарябал его, думая, что еще будут ходить к нему с поклоном да уговаривать вернуться.

Теперь Михаила зажало нештучным цейтнотом. Не найдет за считанные дни двух руководителей кружков на полную ставку — прикроют за милую душу его СЮТ, где он провел пять не самых плохих лет. По сути, это местечко ему нравилось больше всех остальных, где ему приходилось зарабатывать на хлеб насущный. А тут начались повальные сокращения. Только теперь люд разглядел во всей красе истинное лицо перестройки, поначалу казавшейся заманчивой. Она стала безжалостно сметать одно за другим не только мелкие фирмочки, но и незыблемые местные мастодонты: строительные и дорожные организации, автобазы с огромным парком транспорта. На ладан дышали молзавод, швейная фабрика и ремзавод.

Все это заменяла сплошная перепродажа. В опустевших помещениях открывали частные магазины, где на огромных витринах едва разглядишь несколько жалких жвачек, чупа-чупсов и сигаретных пачек.

Было такое ощущение, что весь установившийся уклад скоро ухнет в бездонную яму — вот это будет апофеоз! Не «милицианера», а хуже. Всего карточного домика Перестройки. Опять собственными руками все разрушим — до основанья. А затем?.. Кто был никем, станет трижды никем. А какой-нибудь пострел выловит в мутной луже целого кита...

Михаил решил посоветоваться с завхозом школы. Дядька матерый. Сейчас на нем висит ремонт всех помещений к новому учебному году. Может, что подскажет.

Сначала надо заглянуть на склад, где хранятся стройматериалы. А если завхоза там не окажется, придется шастать по всем корпусам, отыскивая по шуму, где сейчас орудует бригада шабашников.

До школы недалеко — выйдешь через дворы меж типовых двухэтажек — и сразу перед тобой растянувшаяся на целый квартал бывшая альма-матер, куда и он ходил. Михаилу повезло: завхоз разбирал какие-то бумаги у себя, где оборудовал уголок со столиком и парой списанных кресел. Краснолицый здоровяк, тертый калач. Себе на уме, однако сразу дал Михаилу «наколку»:

— Да вот тут рядом, в Школьном переулке живет один татарин с русской фамилией Захаров. Мастак. Как раз оказался не у дел. Он плотничал в ПМК-154. Организация занималась новым спортивным комплексом. Захаров сделал там всю резьбу на отделке. Это было просто чудо...

Вешкин слышал об этом необычном объекте, издалека виден арочный огромный ангар, покрытый листовым оцинкованным железом. Такого строения еще не знал райцентр. Ближился день сдачи, а потом случилось непонятное. Недосмотрели, не подумали об охране. Детвора ночью сорвала хлипкий замок на двери и стала среди этих поистине царских покоев забавляться. Сделали коптилку на керосине и в конце концов устроили поджог. Все внутри выгорело дотла, а отвечать некому.

— Такая была тонкая работа, и все пошло прахом! — сокрушался деятельный завхоз. — Больше такой стройки не будет. Начался развал. Теперь растаскивают обгорелые листы с ангара все кому не лень. Захарову даже не заплатили за ту работу. Да ты, наверное, слышал, что он гонялся с топором за своим начальником вокруг конторы. За это и уволили. Тебе бы как раз подошел такой мастер для кружковой работы. Только ты не говори заведующей о его выходке. Он и к нам просился в бригаду хоть кем, но директор школы — жуткий перестраховщик, побоялся взять его.

Завхоз уточнил дорогу к дому краснодеревщика:

— По левую сторону напротив дetsада увидишь дом, узнаешь его по воротам — на них тоже какие-то деревянные узоры. Да вот еще что. Говорят, он топтал зону. Но ты об этом тоже не говори заведующей, а то не допустит до работы...

Михаила покорежило от столь «радужного» известия. С такой биографией нельзя и близко подпускать к детям. Хотел даже пройти мимо этого дома, но ведь другого выхода нет. Хоть бы еще с годик продержалась их станция. Каждый раз ему приходится набирать новый штат. Правда, внезапно попросился вести у него кружок по дартсу давний знакомый Олег Крымов — гулена, ходок, каких свет не видывал. Не зря его прозвали в народе Крым-рымов. Лет пять назад он окончил пединститут. Его поставили завучем в интернате. Значит, турнули оттуда. И там завел шашни с преподавательницами. Как только терпит все это молодая жена? Бросила благоустроенный Кустанай и поехала за ним в эту дыру. Да куда ей деваться — ждет второго ребенка...

Еще согласился вести на полставки радиотехнический кружок другой знакомый — Семен Шумилов, начальник вневедомственной охраны, которую тоже сильно потрепало. Из-за массовой ликвидации контор и сторожа теряют работу. Именно этот хваткий Шумилов и предложил на пару установить новые токарные станки. Неделю потрудились — и еще одна зарплата в кармане. Михаилу пришлось долго вручную просверливать бетонную стену, чтобы напрямую запитать кабель от пакетника с той стороны. Все руки изорвал, орудия ручками метровой трубки с приваренным сверлом. Петрович сам все время нудил: будут станки, тогда и детей можно заманить. А потом вместо благодарности неожиданно стал кляузничать. И на что надеялся?..

Еще у Михаила есть в сельских школах три трудовика, которые взяли часы технического творчества от СЮТ. Если согласится вести кружок резьбы этот Захаров, тогда станция уцелеет...

Так по дороге размышлял Вешкин, пока не утонул взглядом в вычурных воротах — на обеих половинках какие-то разноцветные резные клоуны. На стук в калитку

вышла сдобная женщина — смуглая, с усиками, тоже из земляков мужа. Взгляд ее был лишен малейших проблесков интеллекта, она являла собой распространенный образец придавленности бытом.

— Он как раз спит,— шепотом объявила она опасливо, узнав о цели визита незнакомца.— Ох, и не любит, когда его будят! Даже не знаю, что делать...

— Придется разбудить. Ему же нужна работа?

Вдвоем прошли в саманный домик скромных размеров и оказались в зале, где на диване прикорнул пегий от седовласости хозяин. Убранство было очень скудным, лишь на стене инородно красовалась трехсекционная полочка с резными дверцами в верхнем отсеке. Снизу были приделаны штыри, на которых висели свеженькие скалки, разделочные доски, еще не применявшиеся по своему прямому назначению.

Женщина поднесла свои телеса к дивану и стала аккуратно тормошить лежащего. Тот резко приподнялся на локтях и разразился бранью:

— Сколько раз предупреждал тебя! По зубам захотела, дурында?..

— Тебя зовут на работу,— стала оправдываться хозяйка.

Мужик недовольно откинулся на спинку дивана, протирая глаза. Только теперь он заметил в дверях постороннюю фигуру.

— Говорят, вы хороший резчик,— стал объяснять Михаил свое непрошеное вторжение.— Я директор станции юных техников, хотя это громко сказано. Вы бы нам подошли...

Мужик мгновенно переменялся. Он резво нащупал ногами шлепанцы. Угожливо сгорбился перед незнакомцем, щетинистый, малорослый. Подобострастие в глазах.

— Извините, а чем там занимаются?

— Вы могли бы открыть кружок резьбы по дереву. Зарплата, правда, так себе, но зато особо не перерабатываемся. Вот я вижу на стене — гарнитур под старину. Ваша работа?

— Балуюсь помаленьку,— закивал головой хозяин, улыбаясь железными зубами.

— Покажи ему и шкатулку,— засуетилась супружница.

Плотник юркнул в спальню и вынес небольшой лаковый ларец, весь ребриющийся ромбиками резьбы.

— Такое не купишь ни в одном магазине,— оценил Михаил тонкость работы.— Я как раз недавно видел в культтоварах набор резцов...

— Это дешевка, если не сказать хуже,— сморщился Захаров.— Ими невозможно работать — сразу тупятся. У меня свои резцы.

Седовласый оставил ларец на диване и взял с подоконника фанерную коробку, в которой звякнули железяки.

— Вот какой у меня инструмент! Выточил из полотен, которыми пилят рельсы. Только такая сталь годится.

Резцы были очень замысловатой формы, двусторонними, похожими на раскрытые крылья птиц. Вместо ручек обмотки синей изоленты.

— А из какой древесины режете? Не из сосны же...

— Липа. Только липа...

— А где ее достанешь в наших краях? Даже не представляю...

— Пойдемте, что-то покажу в сарае, у меня там мастерская,— загадочно произнес мастер.

Во дворе рядом с сараем была сделана пристройка. Там стоял верстак, а в углу высился целый стеллаж ровненьких досточек по полтора метра длиной, без единого сучка.

— Я разглядел эти рейки на складе в ПМК. Там даже не догадывались, что это за ценность, думали осина, балбесы. Я не будь дурак, потихоньку все до одной рейки перетаскал домой, а то бы сколотили из них штакетник. Слишком жирно было бы. Этого мне надолго хватит. Можно наделать целую кучу шкатулок.

Начальник СЮТ посмотрел на часы.

— Еще полтора часа у нас есть. Давайте прямо сейчас сходим на станцию, покажу кабинет, где будете полным хозяином. А потом — к заведующей. Надо срочно заполнить штатную ведомость, чтобы утвердили в области.

Хозяйка опять встряла в мужской разговор:

— Ильяс, может, наденешь пиджак?

— Буду я еще выржаться! — опять вспыхнул плотник. — Не праздник...

И добавил уже для Михаила:

— Что возьмешь с бабы, кроме анализов. Волос длинный, ум короткий...

Хозяйка проглотила незаслуженную пилюлю, видно, привыкла к такому обращению. Захаров только накинул на себя спецовку.

— Давайте захватим шкатулку, покажем заведующей, — сообразил Вешкин, зная: рано или поздно заведующей шепнут, что у нового руководителя кружка криминальное прошлое. Надо подсуетиться.

На станции Захаров деловито осмотрел токарные станки. Брезгливо подержал в руках прилагавшиеся к ним резцы с деревянными ручками.

— Я сделаю получше — из плоских напильников. Здесь же выделяют средства на инструмент?

— Конечно, я все закуплю, составьте список.

Отправились к заведующей, — к концу рабочего дня даже удобней, наверняка она уже не занята. Валентина Ивановна оказалась одна в кабинете.

— Вот, нашел кудесника! — с порога возгласил Михаил, подталкивая вперед жмушгося плотника. — Продемонстрируйте-ка свой шедевр...

Захаров на полусогнутых подсеменил к заведующей и стал суетливо разворачивать газетный сверток.

— Вот, оно...

Красноречием он не отличался.

— Боже мой! — всплеснула руками Валентина Ивановна, увидев переливающуюся лаком и подрумяненную морилкой шкатулку.

Ее владелец открыл крышку, внутри вещица была отделана бордовым бархатом. Поставил ее на стол перед заведующей и угодливо отошел назад, комкая в руках газету.

— Вот...

— Так что это, подарок? — она не верила своим глазам, не имея сил отказаться от такого неожиданного и вроде бы незаслуженного презента.

Захаров помялся и что-то утвердительно гукнул; видно, ему самому только что спонтанно пришло в голову подарить свое изделие хорошему человеку.

— Вот это да! Спасибоочки!

Валентина Ивановна перевела взгляд на директора СЮТ.

— Помогите ему написать заявление и пусть секретарша зарегистрирует...

* * *

В сентябре Михаил Вешкин намалевал на ватмане приглашение записываться на кружки: дартса, радиотехнический, резьбы по дереву и фотодело, который вел сам. Сходил в школу и прикрепил кнопками лист на стенде объявлений.

Буквально через пару часов на половину СЮТ зашла директор Дома пионеров, почти ровесница Сауле Талгатовна и приватно известила коллегу, что его плакат сняла со школьной доски завуч, занудная старая дева: «Нечего здесь распоряжаться чужакам!» Валентина Ивановна такое бы не поощрила, но Михаил не любил ввязываться в контры с женщинами. В таком случае придется пройтись по шестым-седьмым классам, чтобы сагитировать кого-то на кружки.

Михаил мобилизовал Крымова и Захарова походить по классам, желательно не попадаясь на глаза вездесущему завучу, иначе и здесь вдохновится на препоны. Все учителя в школе были знакомы, не бранились, когда троица вваливалась в класс посреди урока, и разрешали сделать объявление. Крымов демонстрировал подросткам дротик дартса, а Захаров зеркальце в резной рамке с ручкой вполне музейного вида. Девтора почти всем скопом бездумно поднимала руки, записываясь в кружки. Вешкин на ходу записывал в блокнот фамилии, называл дни и часы занятий. Пусть в Дом творчества явится лишь треть из записавшихся — и этого будет достаточно.

Поначалу девтора действительно стала после уроков со своими портфелями за-скакивать в Дом творчества. В кабинете Крымова слышались хлопанья по мишени оперенных дротоков. Захаров тоже занимался делом. Он склеил, зажав винтами в стусле, новую заготовку для шкатулки. Выдержав какое-то время, освободил ее и стал расчерчивать на ней карандашом под линейку узоры, а кружочки выводил циркулем. Девтора, сугубо мальчишки, обступала его, сидящего у верстака на стуле. Он давил резцом по черте, глубоко вгрызаясь в древесину. Резал не от себя, а на себя. Михаил невольно ежился: если так попробуют действовать ребята, могут по неосторожности поранить себя.

Мастер на глазах за полчаса покрыл резьбой одну сторону шкатулки. На ее углах не было шиповой связки, планки соединялись проще — в два ножовочных пропила вставлялся кусочек деревянной линейки, а когда клей подсыхал, резцом срезали выступы. Корпус шкатулки становился прочным, резьбой можно было покрывать и углы.

На следующей неделе все бока шкатулки пестрели геометрическими узорами. Захаров приготовил из более толстого куска липы два бруска, по всему периметру срезал на них полсантиметра с краев. В центре оказался выступающий прямоугольник, ровно входящий в пустые места заготовки — дно и крышка. Посадил все это на клей и зажал в верстаке. На очередном занятии разрисовал узорами крышку. В центре был круг в виде солнца с расходящимися конусами лучей. Донную часть обработал резцом только сбоку.

— А как она будет открываться? — недоумевали школьники.

— Глядите, неучи! — подстрекнул их довольный вниманием Захаров.

Взял лучевую пилу и отпилил верх шкатулки, отступив от крышки на сантиметр. В этом месте среди узоров оставалась свободная полоса. Теперь крышка просто снималась. Руководитель вынул из кармана спецовки маленькие навесики.

— Теперь осталось врезать эти штуки.

— А по-другому нельзя делать шкатулку? — кто-то надеялся на более легкий вариант.

— Если делать крышку отдельно, очень трудно ее подгонять, — щедро раскрывал свои секреты плотник. — Получится шире или уже, а то и наперекосок. А так все идеально подходит...

Намедни Захаров покрыл шкатулку вишневым морилкой, разведя в воде горсточку бордового порошка. На очередном занятии объявил:

— Теперь можно покрывать лаком.

И заработал мелкой беличьей кисточкой, тщательно на три раза промазывая все углубления. Когда лак просох, прошелся везде шкуркой-нулевкой, убирая поднявшийся ворс. Потом стал той же кисточкой прохаживаться по изделию растворителем.

— Зачем? — опять кто-то не понял таких действий. — Смоется лак...

— Чтобы блестело, господа прогульщики! — поучающее откликнулся старикашка.

И действительно — шкатулка засияла при свете электролампочки под потолком.

Даже Михаил подивился, насколько замысловата технология изготовления. В школе одноклассники на трудах выпиливали шкатулки из магазинных фанерных наборов, но это такой примитив! А у этого умельца можно перенять между делом массу секретов.

На заключительном этапе Захаров попросил на кружке кройки и шитья Дома пионеров обрезки плотной ткани. Его щедро снабдили лазурным бархатом — то что надо!

Кружковцы думали, что каждому из них на занятиях сделают по шкатулке, но руководитель быстро охладил их пыл.

— У вас есть дома липовые доски? То-то! Можно, конечно, резать из осины или клена, но такая древесина гораздо тверже, замучаешься давить резцом, и со временем дерево может покоробиться, изойти трещинами.

И добавил скорее для находившегося рядом начальника:

— Свой материал не могу разбазаривать. Сейчас начну делать для областной выставки этажерку, на нее тоже немало уйдет реек из моих запасов...

Детвора заметно приуныла, пришлось мешаться Михаилу:

— Тогда, может, детишкам заняться разделочными досками — маме в подарок...

— Это дело,— подхватил мастер и скомандовал кружковцам: — Ищите дома березовые доски. Отпилите нужный кусок, только без сучков. Здесь обстругаем и делаем все остальное...

Ребята принесли нужные доски, кроме одного мальчишки, который жил в пятиэтажке, и у него не было сарая с дровами и досками. Захаров выудил из своих запасов кусок многослойной фанеры и нанес на него контур разделочной доски. Протянул пацану:

— Вот, отпиливай лишнее, балбес, только, поосторожней...

Ножовка у него была так тщательно заточена, что сама вгрызалась в древесину.

Школьники не обижались на то, что наставник все время величает их недоумками. Он же не всерьез...

* * *

Захаров в течение месяца сделал прелестную этажерку с разными отсеками и ящичками. Высший пилотаж! На итоговой выставке «с разгону» оценят высшим баллом.

Про его искусство уже прослышали, и однажды в мастерскую забрела технолог общепита разбитная разведенка Баженова, являя собой очень лакомый кус — в расцвете сил, яркая без всякой косметики. Михаил заметил: как только на горизонте появляются фемины, у Захарова неестественно разгораются глаза — наверное, истосковался по женщинам во время длительной отсидки, недобрал своего. А Баженову он просто поедал взглядом, тем более что она явилась именно к нему. Месяц назад разнеслась по городку весть, изрядно позабавившая обывателей. Заведующий общепитом вез Баженову и ее подругу с какой-то загородной пирушки, устроенной в рабочее время, и на полном ходу врезался в первый же городской столб, безбожно смяв капот своей легковушки. При этом подруга Баженовой сломала ключицу. Незамедлительно подъехали сотрудники ГАИ и разглядели, что завобщепитом в изрядном подпитии. Так все тайное вылезло наружу. История умалчивает, устраивала ли разборки жена общепитовца. Однако сейчас Баженова выглядела вполне невозмутимой.

— Дружище,— по-свойски подкатила она к Захарову, зная цену своей неразменной привлекательности,— я слышала, ты штампуешь разделочные доски. Мне как раз нужна одна для ресторана.

Захаров не спешил с ответом, чтобы его хорошенько поупрашивали.

— Что? — не поняла она его заторможенность.— Думаешь, я бесплатно? Я заплачу.

— Гусары с женщин денег не берут,— попробовал пошутить Захаров с прозрачным намеком.

— Да ладно тебе! — заученно отговорила гостья, пылая спелым румянцем на щеках.— Ты уже возрастной...

— Старый конь борозды не портит,— опять потянуло старичка на примитив, более оригинального он не мог сходу придумать.

— Ну, не ломайся,— напирала раскрасавица.— Я знаю, у тебя есть в запасе...

Захаров игриво затопал в угол походкой крадущегося кота, приговаривая на каждом шажке «Ох, ох, ох...» Выудил из своего тайника разделочную доску небывалой ширины — и где он только раздобыл такой массив? Той же перекачкой подошел к разведенке, поднося дар. Выглядел он перед ней очень куце, так как был ниже на полголовы и не таким упитанным. Баженова протянула деньги, но он с брезгливым видом отстранился, делано поморщившись. Михаил, оценив его дурость, кивал со стороны: бери, бери! Но тот решил покрасоваться на славу.

Баженова довольной ушла восвояси. Михаил не выдержал:

— Ну и напрасно не взяли деньги. Больше от нее ничего не дождетесь...

— Посмотрим...

— Она гуляет только с начальством. Это ее фишка. Так что все бесполезно...

— Тогда я сделаю ей шанкир,— в который раз употребил Захаров непонятное словечко, нахмурившись. Михаил не стал уточнять, что это такое, наверное, тюремный жаргон.

Стали уже задерживать зарплату. Михаил удивлялся непрактичности своего работника, которого называл просто Захарыч. С его золотыми руками другой бы озолотился, а у него все идет не впрок. На днях начальника СЮТ отправляли в область на недельные курсы. В гостинице он познакомился с двумя пронирыливыми людьми, которые открыли кооператив по ширпотребу. Он рассказал им про своего умельца, те сразу заинтересовались.

— Пусть наделает шкатулок и разного прочего, чтобы поместилось в фургон «Москвича-пирожка». Мы же не поедем из-за двух-трех шкатулок. Вот наш адрес и телефон. Звоните, условимся о цене,— которая устроит вашего работника и по которой мы реально сможем реализовать товар.

Когда Михаил поставил об этом в известность Захарова, тот вместо делового разговора начал выделываться:

— У них есть миллион долларов?

И приподнял с пола свою завидную этажерку.

— Такому место лишь в музее!..

— Захарыч, давайте поближе к реальности. Может, и я подключусь, вместе подзаработаем.

Но он так и не сказал ничего вразумительного. Зато вскорости стал хамить из-за дрящейся задержки зарплаты:

— Не можешь пробить. Какой тогда ты начальник?..

А поначалу величал его по имени-отчеству: Михаил Иванович.

— Я и сам в таком же положении,— оправдывался Михаил.— В кассе немного ссужают остроножущимся...

— А мы не нуждаемся? — упорно твердил Захаров.

Сам же взял и просто так, что называется от балды, отдал разделочную доску, да еще такую редкостную. Баженова не промах девица. Возьмет в хозмаге липовый счет, оформит эту доску и присвоит себе чужой заработок.

А с этажеркой и вовсе произошел казус — глупее не придумаешь. Собираясь домой на обед, Михаил заглянул в приоткрытую дверь мастерской и увидел, что Захаров демонстрирует какому-то барыге свою этажерку. Подумал, торгуются. Ну и ладно, пусть хоть что-то заработает, меньше станет ворчать...

После обеда директор застал в мастерской дивную картину: Захаров мертвецки спит прямо среди стружек, на верстаке опорожненная бутылка водки, остатки закуски. «Налакался! — поморщился Михаил.— Обмывал что ли продажу...»

Быстренько закрыл на ключ комнату и пошел в свою фотомастерскую. К нему

тоже стало все меньше и меньше ходить кружковцев. Он специально устраивал фотосессии, чтобы у школьников была хоть такая заинтересованность. Тут же проявляли пленку, сушили ее под настольной лампой, чтоб побыстрее. Садись за фотоувеличитель, делали карточки. Ребятам не терпелось взять домой свои фотки, они лишь слегка прополаскивали снимки после закрепителя, забрызгивая панели, и тут же к глянцевателю. Сколько ни предупреждал руководитель кружка, что такие отпечатки очень быстро пожелтеют, ничего не помогало — ребята лихорадочно торопились, словно сделать снимки — все равно что быстрее всех пробежать стометровку.

Потом и вовсе стали являться на кружок по два-три человека.

— Остальные сказали, что больше не будут ходить...

В первый год работы Михаил набрал такую классную группу! Спаялись, летом даже брали палатку, сидели на велосипеды и ехали полевыми дорогами на озеро Копытное за пятнадцать километров. Вот это была компания — веселая, с юмором! Брал ребят с собой на областную выставку, разок они даже попали на передачу местного телевидения. Теперь эти ребята в выпускном классе — им не до кружков. Да и всему научились уже, свободно фотографируют, без подсказок.

Через пару часов Михаил отпер мастерскую. Захаров по-прежнему похрапывал на полу. Стал тормошить его.

— А? Что? — взметнулся он недовольно, словно был в своем доме.

Проморгался и понял, что все-таки на работе в таком непрезентабельном виде.

— Что ж вы так, Захарыч? Хорошо хоть никто этого не увидел...

— А где моя этажерка? — оглянулся он вокруг себя.

Его изделие действительно исчезло.

— Я думал, вы ее продали...

— Где этот мужик? — вскочил на ноги Захаров. Выбежал на улицу, заглянул за угол Дома творчества. Михаил ходил следом за ним.

— Ты не знаешь его? — растерянно спрашивал Захаров.

— Я думал, вы знакомы. Ну, тогда ищи ветра в поле...

Хитрый мужик подпоил Захарова и унес этажерку, хотя через дорогу сверкал одинарными стеклами в алюминиевых рамах новый трехэтажный корпус милиции. Скорее всего, хват ушел дворами...

* * *

После этого случая Захаров начал срывать злость на кружковцах: постоянно одергивал их, передразнивал. Вскоре стал пропадать инструмент. После занятий недосчитывались многого. Первым делом испарились надфили, которыми школьники обрабатывали разделочные доски и другую мелочь. Их легко можно спрятать в карманах. Потом дело дошло до напильников, на глазах таяла наждачная бумага. Директор СЮТ посоветовал записывать, что кому выдано, а после занятий делать сверку. Но и это не помогало. Кто-то отпраивался на улицу якобы «до ветра», а потом не возвращался. Вместе с такими ловкачами исчезали очередные напильники, пилочки, плоскогубцы, — не будешь же каждого обыскивать.

— Да они ходят сюда лишь для того, чтобы что-то спереть, — возмутился Захаров, прохаживаясь по опустевшему кабинету.

Такого раньше действительно не было. Наступали другие времена, когда с телеэкранов стали внедрять в сознание, что теперь каждый сам за себя, а за место под солнцем надо бороться со всей изворотливостью. И сам городок подавал заразительный пример: деятельные индивидуумы приватизировали не только государственный транспорт, но и целые здания.

От Захарова теперь чаще несло сивушным духом, он стал не в меру раздражительным. На кружке дартса тоже воцарилось затишье. Школьники сами накупили

дротиков и упражнялись в меткости уже у себя дома. Крымов беспечно разводил руками, видя недовольное лицо директора станции.

— Могу водить с собой сынка для блезира — вроде, тоже кружковец...

— А то не видно, что он еще не дорос до школы...

— Буду говорить, что он вундеркинд,— посмеивался ловелас.

— Посмотри, на вязальном кружке всего пять-шесть человек, одни и те же лица, но я никогда не видел, чтобы хоть одно занятие было пропущено полным составом. Хоть кто-то да сидит...

— То девочки, они всегда сознательней...

Однажды Крымов подманил пальцем своего шефа-друзбана и с таинственным видом спросил вполголоса:

— Ты хоть знаешь, за что парился твой хваленый мастер?..

Михаил внутренне ждался: ну, сейчас выдадут! И — точно:

— За убийство своей жены.

— Вот это да!..

— Наверно, Валентина Ивановна еще не в курсе,— догадливо протянул Крымов, с сочувственным лицом демонстрируя собеседнику свою полезность.

— Ты хоть пока никому не трезвонь. Надо продержаться этот год. Сам видишь, что сейчас творится. Придумали хитрое слово оптимизация — и давай сокращать каждого второго...

От нечего делать втроем собирались у Захарова послушать его тюремные байки. Он действительно частенько выдавал настоящий эксклюзив из запроволочного специфического быта.

— На «химии» я был в Альметьевске, это у нашего брата — у татар. В основном строили дома. Иногда шабашили у частных. Которые пощедрее, тем все делали на совесть. А попадались такие жлобы! Не хотят платить, и давай придумывать разные отговорки. Но таких мы могли здорово проучить — век будут помнить. Можно сделать так, чтобы в доме всегда отдавало тухлятиной, а хозяин не докопается, от чего это.

— Как? — живо настораживался авантюрный Крымов, видимо, жаждая пополнить свою копилку, вдруг пригодится на жизненных росянах.

— Когда штукатурим, замуровываем в углублении яйцо, а потом шилом протыкаем в том месте дырочку. Яйцо протухнет, и потянутся невыносимые вонизмы...

Михаил с Олегом переглянулись: додумался же кто-то до такого трюка! Наверное, не от хорошей жизни...

— А еще можно сделать так, что печная труба будет вить — хоть уши затыкай. Одному жлобу мы сделали фирменный подвох, чтобы он не мог как следует протопить дом. В подвальных стенах оставили хитрые щели — не напрямую, а зигзагом, чтоб не светилось. Можно и в кирпичной кладке такое сотворить. Жмотов учить надо, правильно я говорю?..

Слушатели согласно поддакивали.

— Вот директор Карамов прихватизировал целый ремзавод. Почему не мне или слесарю Иванову-Петрову он достался? Специально обанкротили завод, сократили рабочих и давай дербанить. Мне сказали, что сейчас Карамов под шумок грузит заводские станки на платформы и отправляет в Казань. Видно, туда решил махнуть. По какому праву все ему одному досталось?..

Захаров аж скрипнул зубами.

— Жил бы поближе, я бы ему устроил. Подложил бы что-то в бензобак, чтобы через полчаса жажнуло...

Он вскочил со стула и нервно зашагал по мастерской, пиная стружки.

— Ничего, настанет время, и этих олигархов будут подвешивать на березах вверх ногами...

Его ненависть к нуворишам не знала границ. Подбежал к шкафу, выудил железную фляжку и хлопнул стаканчик мутного зелья.

— Захарыч, не в рабочее же время! — возмутился для порядка директор СЮТ.

— Ильяс Батькович! — подмигнул Олег шефу. — Между нами, здесь все свои. Нам интересно, что у вас произошло с первой женой? Если в лом, можете не говорить...

— Как что? — встрепенулся он и добавил почти плача: — Загуляла на всю катушку, а мне — убивай?..

Словно жаловался, что ему пришлось совершить такое.

Вешкин с Крымовым потихоньку исчезли из мастерской и опомнились в кабинете напротив, где на стене висела побитая мишень для дартса.

— Да, — протянул Олег, давая понять, что он не возводил напраслину на плотника, и дальновидно добавил: — Он когда-нибудь тебе сделает!..

Директор не знал, что и сказать. Крымов усмехнулся:

— Я вижу, у тебя работают одни...

Он затруднился с подбором синонима к просящемуся диагностическому слову.

— Я понял. Да разве найдешь нормального на смешную зарплату? Один шустряк, да ты его знаешь, Мухортов, в прошлом году навязался вести радиотехнику. Я чувствовал, что толку не дождешься. Потом его призвали в армию, и он напоследок унес домой музыкальный центр. Я ему по-хорошему: верни! С меня бы высчитали недостачу. Увиливает. А когда ему пришла повестка из угро, сразу прибежал. Мол, зачем так, мама расстроилась. А как еще с такими?..

— Он так и не пошел служить, наверно, отмазался, — вставил всезнающе Крымов. — А еще у тебя вертелся этот сынок инспекторши финотдела, редкий бездельник...

— Он нигде не хотел работать. Мамаша привела его, упростила взять. А он пару раз показался и надолго исчез. Думал, просто так будут давать зарплату. Уволил его, а мамаша оскорбилась и устроила проверку. Ходили, считали детей. А потом этот Петрович устроил бучу. И так каждый раз, только и жди от кого-нибудь сюрприза...

* * *

После Нового года Крымов бросил свой осиротевший кружок и подался в предприниматели — собирать металлолом на заброшенных предприятиях. Михаил боялся, вдруг до Валентины Ивановны дойдет новость, что у Захарова тяжелая статья, несовместимая с такой работой, но ее внезапно положили в областную клинику на операцию. Мало кто знал, что она уже проходила химиотерапию и облучение по поводу онкологии.

В Дом творчества стал заглядывать муж заведующей Валерий Сергеевич, который был в том же РОНО инспектором по трудовому обучению. Простодыра, немного напоминающий киношного Шурика в очках. Забавно было наблюдать на планерках, как Валентина Ивановна выслушивает отчеты сотрудников о проделанной за неделю работе, в том числе и его. Он, как школьник, вскакивал за общим столом и тараторил, называя свою жену по имени-отчеству. Она его так же на полном серьезе, словно дома все это не обговорили со всех сторон. Теперь он, единственный мужчина отдела, искал возможности выговориться в мужской компании. От него и узнавали о положении дел.

— Вчера Валентине Ивановне ампутировали часть прямой кишки...

Все понимали, что это означает такая сложная операция. Пациенту выводят кишку на животе, и всю оставшуюся жизнь придется ходить с упрятанной под бельем резиновой уткой. Вряд ли такой человек сможет остаться на руководящей должности.

Но Валентина Ивановна вернулась на свой пост. Выглядела она довольно бодро, проводя совещание с директорами и завучами школ в актовом зале Дома творчества. Михаил замечал, что все присматриваются к ее фигуре и одежде, но не было видно никаких изменений. Вот и славненько! Еще поработает. Такие специалисты, что на-

зывается, штучны. Она все решала по справедливости, юлить перед ней себе во вред, лучше говорить начистоту, она всегда поймет и поступит правильно...

В школах и во внешкольных учреждениях начались массовые проверки. Значит, готовилась очередная оптимизация. Ищут слабые звенья, а это в первую очередь — наполняемость кружков. Ясное дело, что сократят СЮТ, если даже огромный ремзавод приказал долго жить.

Хорошо хоть всех заранее оповещали, куда сегодня направят стопы областные проверяющие. Михаил сообразил сходить на большой перемене к школе. Собрал во дворе пацанов средних классов и пообещал показать видеофильм, если те придут после занятий и разойдутся по кружкам, делая вид, что занимаются. В городке мало пока было видеомagneтофонов, и ребятя клонула на это.

После обеда Вешкин принес из дома видак, выпросил у Сауле Талгатовны телевизор, объяснив ситуацию. Проверяющие убедились, что дети присутствуют, однако не везде ведутся журналы посещаемости. На станции они действительно давно не заполнялись. После ухода комиссии детвора собралась в выставочной комнате СЮТ, как самой большой. Старые модели Михаил упрятал в кладовку, зная, какая участь их может ожидать.

После просмотра боевика «Коммандо», который закончился уже в нерабочее время, Михаил обнаружил в комнате настоящий погром, иначе это и не назовешь. Все декоративные элементы и ручки были выковыряны с обшивки серванта, пол усыян толстым слоем семечной шелухи. Какой-то умник специально на протяжении всего сеанса посылал плевки в одно место, отчего образовалась вызывающе огромная пенная лужица. Прямо в книгу рекордов Гиннеса! Если все это увидит техничка, она откажется убирать, да еще и нажалуется заведующей.

Пришлось директору самому браться за веник и выметать мусор. Особенно противно было ликвидировать наплеванное. Оказалось, что и стенды с фотографиями исписаны неприличными словесами, а на том, где были приклеены разноцветные прямоугольнички-упаковки от различных видов фотопленки, в том числе и импортной, сорваны самые красивые и редкие, чего не бывает в продаже. Михаил все это выпрашивал в разных лабораториях.

После такого Вешкин утвердился во мнении: да пусть закрывают станцию! Она больше не нужна, раз пошла такая молодежь. Прежде все вытягивались по струнке перед взрослыми, а теперь творят, что хотят, и ничего нельзя возразить — сам окажешься виноватым. Он сам от себя не ожидал, что окажется в стане пессимистов.

* * *

В марте должна была состояться областная выставка технического творчества. На сей раз в створ рыночных отношений ее решили сделать коммерческой — кое-что пустить на продажу, чтобы и внешкольные учреждения приносили хоть какой-то доход.

Захаров для своей жены потихоньку делал электрическую прялку. Это было заковыристо, так как он действовал не по чертежам, а на глазок. Увидел у кого-то, перерисовал узлы и решил скопировать. Сам вытачивал из дерева кругляши и шкивы с углублениями на ребрах для натягивания шнуров.

Когда прялка вчерне была готова, пригласил шефа и директора Дома пионеров, чтобы продемонстрировать свое умение и в этом. Он даже запасся куском шерсти. Сауле Талгатовна восхищенно затараторила:

— Ой, какая вещь! У нас ножная, уже древняя, скоро рассыплется. Мамаша постоянно вяжет носки. Неплохо бы иметь такую дома...

Захаров включил прялку, она затарахтела, задвигала мослами. Он хотел сам попробовать спрячь несколько витков, но директриса азартно сунулась вперед.

— Дайте я попробую...

Присела на маленькую табуретку возле прялки, попыталась скрутить нить пряжи, но не тут-то было. Прялка тянула руку вместе с пряжей, всякий раз обрывая нить. Сколько ни пыталась директриса приноровиться, совершенно ничего не получалась.

— Захарыч, да твоя прялка бешеная. За ней невозможно угнаться!..

Плотник выключил прялку, почесывая за ухом. Приглашенная ушла к себе разочарованная.

— Не подрассчитал с диаметром шкива,— стал оправдываться сконфуженный Захаров.— Надо переделывать...

На радиотехническом кружке Шумилов для выставки пообещал сделать настоящий ресивер. Он увлекался радиоэфиром на коротких волнах и кое-что в этом понимал. С наполняемостью кружка его выручал старший сын-восьмиклассник, который приводел с собой двух приятелей с серьезными лицами. Занятия у них начинались поздно, когда начальник охраны освобождался на основной работе. Ну, хотя бы так. Ребята что-то паяли для себя. Могли смастерить зарядное устройство или другую мелочь, полезную в хозяйстве.

На сельских филиалах тоже пообещали что-то подготовить для выставки. Один трудовик закончил сборку велосипеда из старых велосипедов. Оставалось все покрасить. А на продажу привезет разные скалки с толкушками. Михаил со своей стороны готовил из больших листов картона раскладушку с фотографиями. Он несколько раз выходил с ребятами на пленэр. Снимали виды с крутого берега Ишима, тальниковые заросли и заводы, панорамы окрестных улиц.

За это время Захаров дважды устраивал фокусы. На станцию прибегала его законная недотепа, чтобы спасти ситуацию. В первый раз после семейного скандала Захаров собрал сумку и подался на автовокзал, чтобы вечерним автобусом уехать к сыну, который жил в совхозе Донской за пятьдесят километров, в самой глуши. Вдвоем еле уговорили его вернуться, сын обещал его устроить плотником на ферме. Во второй раз его вызволяли уже из кутузки. Женушка сама сдала его за пьяный дебош. Михаилу пришлось обращаться к дальнему родственнику, работавшему в органах, чтобы помог вызволить буяна. Захаров вовсе не обрадовался, когда открыли камеру. Тут же стал злобно препираться с охранником, чем-то ему насолившему; Михаил уволок сотрудника за рукав, пока его снова не запечатали.

Но перед выставкой Захаров устроил целый «концерт». В восемь утра он должен был ждать в мастерской, собрав в дорогу прялку и разделочные доски. Еще Михаил попросил его принести из дома ту многоэтажную полочку, чтобы блеснуть на выставке и занять хоть какое-то место. Все работники станций так же беспардонно лукавили. Рассматривая привезенные экспонаты, трудно было поверить, что все это сделано руками тринадцатилетних.

В назначенное время Захарова на месте не оказалось. Михаил сам собрал все нужное в его кабинете и отнес в автолавку, где собралась делегация: два совместителя из совхозных школ, директриса Дома пионеров с сотрудницей, муж заведующей и еще одна инспекторша. Веломобиль тоже находился среди вещей. Сама заведующая сидела в кабине, ерзая от нетерпения.

Михаил стремглав понесся к нерадивому сотруднику. Слава богу, субботний день, на улицах никого. Миновал захлапленные дворы, забежал на школьный двор и, обогнув главный корпус слева, влился в Школьный переулок. Остановился, задыхаясь, у знакомых ворот и стал ломиться в калитку. Никто из домочадцев не реагировал, хотя уже разрывался на части злющий дворовый пес. Михаил перепрыгнул через штакетник палисадника и стал стучать в окно зала. Наконец вышла заспанная толстушка и стала объяснять, что ночью опоросилась свинья, поэтому Ильяс почти не спал.

Михаил стал будить Захарова, конечно же, от него несло перегаром. Он недовольно разлепил глаза, не торопясь встать.

— Быстрее, машина уже ждет!..

Тот стал ворчать, что сильно устал.

— Да там ничего не надо делать, просто сидеть с экспонатами...

— Я не бритый...

— Некогда уже, сойдет и так...

Вешкин больше всего боялся, что не получится прихватить на выставку эту аховую полочку, а без самого Захарова могли бы свободно обойтись. Хозяин тяжело встал и стал одеваться. Опять отказался облачаться в костюм, привыкший к своей выдавшей виды черной спецовке. Михаил стал убирать с полочки разные флаконы, за это время обосновавшиеся там. Снял ее с гвоздей.

— Я сам понесу...

Двинулись в путь. Захаров еле передвигал ноги, нисколько не подгоняемый тем, что их давно ждут и могут из-за него опоздать на выставку — ехать больше ста километров по разбитой вдребезги трассе. Когда подошли к автолавке, заведующая разразилась бранью в открытое окно машины:

— Ну, сколько можно, в самом деле? Что это за сборы?..

Михаил успел занести в будку массивную полочку, высматривая, куда бы ее притулить среди людей и вещей. Валентина Ивановна еще что-то выдала, задевшее за живое Захарова. Он вдруг перешел на ругань:

— Мне на фиг не сперлась ваша выставка!..

— Ну и ступай домой! — отреагировала заведующая.

Но Захаров протянул руки в будку к своему шефу:

— Давай сюда полочку! Давай, сказал!..

Дело приняло совсем нехороший оборот, когда кого-то на глазах у всех понесло «в разнос».

— Да отдай ему! — крикнула из машины заведующая.

Михаил раздосадовано вернул сотруднику его добро.

— А теперь мою прялку! — не успокаивался плотник.

— Хочешь сорвать выставку? — тоже перешел на «ты» директор СЮТ.

— Давай ее сюда! Раз такие умники, без меня обойдетесь...

— Да поехали уже! — вмешался шофер, бывший «афганец». — И так опаздываем...

— Ну, я с тобой разберусь в понедельник! — пригрозила Валентина Ивановна, и машина наконец тронулась с места.

В Аркалыке на центральной площади уже заканчивали расставлять экспонаты. Опоздавшие типчакцы стали «в темпе вальса» вытаскивать из машины свое. Михаил сам выбирал место для выставочных вещей, а предназначавшееся на продажу упокоилось на столах. Еще надо было прикрепить заранее приготовленные бирки с описанием экспонатов. Успели-таки...

С десяти любопытствующий народец стал скапливаться на площади. Комиссия областной СЮТ оценивала экспонаты, выставя баллы. В конце концов, жюри объявило, что типчакцы заняли второе место, на это Михаил особо не рассчитывал. Заведующая посмотрела на него с явным уважением.

Народ раскупал деревянный ширпотреб. Кто-то вожделенно присматривался к велосипеду, но он, к сожалению, не продавался. Тут к Вешкину и стоявшему рядом Валерию Сергеевичу обратился какой-то аксакал, захавший сюда на лошади, он привязал ее к дереву поодаль.

— Работает?

Он кнутом показывал на прялку, которую к выставке покрыли лаком.

— Работает, — автоматически ответил Михаил.

— Продавай моей бабка...

— Это не продается.

— Зачем? Все продается... Сто рублей даю.

Валерий Сергеевич извилисто ответил на немой вопрос в глазах Михаила:

— Вообще-то нам нужно заправлять бензином машину. Мы тут со скалками работали только на пирожки. Все копеечное — по два-три рубля...

— Захарыч обидится.

Аксакал не уходил:

— Сто двадцать даю. Мало? Больше нету...

— Продай,— давал добро муж заведующей.— Захарову же платят зарплату за что-то. Тем более так вызывающе себя повел...

Аксакал хотел удостовериться, что прялка рабочая. Сходили в ближний магазин, где опробовали ее, подключив к розетке. Михаил отдал деньги заведующей. И только тут вспомнил, заполошно выдохнув в сторону Валерия Сергеевича:

— Совсем забыл! Прялка-то крутит, как ненормальная. Захаров не рассчитал со шкивом и не успел переделать ее. На ней невозможно пряхть...

Валерий Сергеевич не сдержался, рассыпавшись в смехе:

— Вот расшумится апайка, когда попробует на ней пряхть!..

Оглянулись по сторонам, но аксакал уже уехал на своей лошади...

После выставки Захаров помалкивал первую неделю, опасаясь, что его выгонят. Но Валентина Ивановна опять прихворнула, ее срочно положили в областную клинику. Потом Захаров словно очнулся:

— А где мои деньги за прялку?

— На них заправили машину, я же говорил...

— Меня это не касается. Пусть отдают мое!..

— Ладно, я скажу Валерию Сергеевичу...

А он и сам на следующий день зашел на станцию пообщаться с мужиками. Михаил перехватил его у входа и завел к себе. Поведал о претензиях распоясавшегося плотника. Он, наверное, совсем разругался со своей половинкой несмотря на то, что она пустила его к себе на постой. Поставил в мастерской топчан, ночует там. Сауле Талгатовна шепнула коллеге, что ночью проходила мимо и видела свет в окне мастерской. А все это бросается в глаза с крыльца милиции. Еще начнут интересоваться, с какой стати кто-то устроил в учреждении ночлежку.

— Да пусть скажет спасибо, что уцелел,— возмутился «трудовик».— Если бы не попала в больницу Валентина Ивановна, она бы его давно уволила. А сейчас не до него. Что-то не видно у него кружковцев, всех распугал...

И стал делиться горем:

— У Валентины Ивановны выходил наружу гной... ну, ты меня понимаешь. Врачи стали выдавливать его, и вдруг как выскочит наружу салфетка! Оказывается, ее забыли внутри во время операции. Такая вот халатность. Теперь совсем худо дело...

Вскоре заведующую вернули домой, так как рак перешел в четвертую стадию, а медицина тут бессильна. Ей каждый день колют морфий, чтобы не мучили адские боли. С трудом достали этот препарат, выходили аж на министерство. Кругом ведь сплошной дефицит. А все наркотическое контролируется, пустые ампулы надо сдавать.

Начальник СЮТ дал понять Захарову, что пусть больше не вспоминает о прялке. Тот, видно, подумал, что присвоили его деньги и ощерился:

— Если не отдадут деньги, тогда...

— Что тогда?..

У Захарова недобро вспыхнули глаза. Он ищуще огляделся в кабинете, словно искал что-то увесистое и травмирующее. Если бы кинулся к топору, Михаил бы успел среагировать и заломить ему руку за спину. Хуже, если бы он выхватил нож. Даже самые опытные единоборцы в один голос заявляют, что от ножей нет эффективных приемов. Если не окажется под рукой палки, чтобы удерживать дистанцию, лучше вовремя ретироваться. Это в кино снимают красивые сказочки, как безоружный играючи уклоняется от ударов самурайского меча и побеждает противника голыми руками. Несусветная глупость.

Захаров, видно, понял, что может схлопотать не слабую ответку. Заворчал и сел на стул.

— Вы бы лучше заделали одеялом окно, ночью милиции виден свет,— проронил Вешкин, выходя из мастерской. Больше он не стал в нее заходить.

В апреле пришел из области приказ о закрытии станции юных техников. Уцелел лишь Захаров. Сауле Талгатовна пообещала перевести его кружок к себе,— вообще-то больше был нужен завхоз: вставить разбитое стекло, поменять на двери замок, починить мебель.

Это известие Захаров принял воодушевленно. Стал смотреть сквозь своего бывшего шефа, который отрабатывал последние два месяца. У плотника вырвалось на ходу:

— ...а то развелось начальников. Брось палку — обязательно попадешь в какого-нибудь начальничка.

Сауле Талгатовна навестила на дому Валентину Ивановну и потом поделилась с Михаилом:

— Она у меня спросила: «Как там себя чувствует Вешкин? Наверное, в трауре, что попал под сокращение...»

Вот это женщина, восхитился Михаил. Ее дни сочтены, а она еще думает о его судьбе. Он-то не пропадет, его стали звать на свадьбы и похороны — он единственный в районе может делать цветные фотографии. Михаил ни капли не переживает, наконец-то пустится в свободное плавание, он востребован.

После майских праздников наступил траур: Валентина Ивановна отмучилась. Ушел в небытие незаменимый руководитель, покровитель слабых и обиженных и просто человек прекрасной души. Михаила попросили сфотографировать процессию.

На похороны собралось немало народа. Гроб с телом Валентины Ивановны установили для прощания на площади рядом с райисполкомом. Михаил сделал последнюю съемку человека, которому был многим обязан.

Летом, после того, как Вешкин оказался вольной птицей, он стал заглядывать в РОНО, чтобы получить расчет, однако денег в кассе не было. В последний приход он увидел, что все сотрудники буквально не в себе, ходят по коридору, хватаясь за щеки.

— Что стряслось? — поинтересовался Михаил у взволнованного Валерия Сергеевича, который вышел на улицу покурить. Руки у него дрожали, когда он доставал из пачки сигарету.

— Да твой Захарыч сейчас устроил тут такое! Ворвался в контору и стал всех загонять в кассу. Потом дверь на ключ и приставил к горлу кассирши нож, мол, если сейчас не выдаст задолженность за три месяца, будет всем плохо. А нож он наточил, как бритву. Только что его скрутила милиция...

У Михаила шевельнулось в голове: как теперь будет существовать Валерий Сергеевич? Он такой беспомощный. Но «трудолик» словно понял его не озвученный вопрос:

— Уеду в Омск. Старший сын устроился переводчиком в немецкую компанию — совместное предприятие. Его там ценят, дали квартиру. Обещает меня забрать.

Михаил вспомнил, что у Валентины Ивановны девичья фамилия была немецкой. Поэтому сын так хорошо знает язык тевтонов.

— Младший сын тоже поступил в омский институт,— дымил сигаретой Валерий Иванович.— Мне до пенсии шесть лет, как-нибудь дотяну...

* * *

Захарову к его прежним восьми годам отсидки приплюсовали два года строга-ча — для ровного счета...

